

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

Владимир Горлинский, «Брампутапсель №1»

Брампутапсели Владимира Горлинского — абстрактные сказочные существа. В реальности же слушатель наблюдает, как Наталья Пшеничникова — виртуоз нетрадиционных исполнительских техник, чей экстремальный вокал украшал в Перми многие знаменитые проекты, от «Русского бедного» до «Носферату», — берёт микрофон и начинает выбрасывать в пространство щелчки, шипения и свисты. Получается поток разнообразных голосовых и артикуляционных техник, карнавал звукоизвлечения, вполне соответствующий творческим и научным интересам Горлинского. Но коль скоро заявлен образ, воспользуемся случаем его развить.

Сначала брампутапсель стремительно катится по наклонной поверхности, громко спотыкаясь на каждой кочке. Существо гудит хоботами, машет щупальцами и бороздит землю хвостом (хвостами?). Позже у брампутапселя обнаруживаются зачатки — но лишь зачатки — речевых навыков: «...уводишь ночь прочь...» Наконец он включает пропеллер, с которым отправляется в полёт по виляющей ритмической траектории. В итоге вырисовывается такой неугомонный постапокалиптический колобок. Да здравствует свобода интерпретации!

Оскар Бьянки, De Rerum Natura

Сочинение швейцарского композитора вдохновлено поэмой Лукреция «О природе вещей». Древнеримский философ продолжает материалистическое учение Эпикура, делая акцент на его антирелигиозном и просветительском значении. Утверждения о смертности духа Лукреций дополняет оптимистической верой в вечность материи и силу разума.

Что осталось в сочинении Бьянки от поэмы? Стройным гекзаметрам здесь нет места — больше похоже на музыкальное изображение атомарности. Скрипка Владислава Песина и флейта Ивана Бушуева вели себя словно молекулы газа, мчащиеся и беспрерывно сталкивающиеся. Кажется, будто смычок не сделал ни одного плавного штриха, но сумбурно бился о струны, да так, что в какой-то момент стали отделяться волоски. Флейта откликалась на это движение скорее по законам тепловых процессов, беспорядочно извиваясь и выдавая точечные звуки вне всяких тактов и затактов. Следуя идеям Эпикура, это взаимодействие могло длиться вечно, но у исполнительской выносливости есть свой предел.

Михаил Сметанин, Sprau

Михаил Сметанин, австралийский композитор русского происхождения, представил сочинение Sprau, невольно продолжив материалистический мотив. Бас-кларнет Олега Танцова сразу стал задавать вибрирующий, механистический ритм. Фортепиано Михаила Дубова и флейта Ивана Бушуева входили с ним в резонанс, создавая колеблющееся, но относительно однородное единство. Если волны этой среды поймают ещё одну частоту — сознания слушателя, его ожидает семиминутное погружение в низкочастотный омут.

Фабиен Леви, Als Gregor und Griselda

Текст своего канона для шести голосов француз Фабиен Леви попро-

сил перевести на русский, а название прочитать как «Григорий и Галина». Бытовая зарисовка с чередующимися хрюканьем, мычанием, шипением и разбиванием слов на слоги была переведена в рамки традиционной хоровой капеллы с выделением партий для разных голосов. Впрочем, заложенная строгость формы слабо ощущалась публикой. Между отрывочными звуками неизбежно проникали шорохи, смешки и перешёптывания из зала, невольно подтверждая идею Джона Кейджа о всеохватывающей природе музыки. Любопытно, что, когда девушка в первом ряду начала неудержимо хохотать, музыканты одобрили это и в конце даже просили слушателя подняться для аплодисментов.

Игорь Машуков, фрагменты из балета «Реквием по Анне»

Завершали программу концерта два фрагмента из нового балета, посвящённого Анне Ахматовой: «Безгласие» и «И упало каменное слово (Парад)». Солистки пермского ансамбля Red Sound Виктория Зорина (ударные, фортепиано) и Дарья Шайхутдинова (ударные) вышли на сцену вместе со скрипачом Владиславом Песиним, в то время как автор — председатель Пермского отделения Союза композиторов Игорь Машуков — занял место за электронным пультом.

«Безгласие» началось вибрациями поющей тибетской чаши, превратившимися в тяжёлый электронный гул. Болезненный стон подхватила скрипка, синтезаторы и подготовленное фортепиано — наследие американских авангардистов. Опираясь на новаторские техники Генри Коуэлла, Дарья Зорина начала бить ладонью по струнам фортепиано и играть на клавиатуре кластерами — стон перешёл в марш. Нарезки фонограммы и вспышки алого света усугубляли напряжение. В партиях скрипки стали мерещиться духоподъёмные мелодии сталинских пятилеток, доведённые до крика и срывающие в пропасть.

В 1939 году Ахматова пыталась вызволить сына из ГУЛАГа. Написанное тогда стихотворение «Приговор» приобретает в музыке Машукова новый импульс — точный и оглушительный.

Премьера балета «Реквием по Анне» состоится совсем скоро — 27 октября во Дворце культуры им. Ю. А. Гагарина. Это новая работа театра «Балет Евгения Панфилова», хореографом-постановщиком выступает Сергей Райник, художником — Валерий Кунгуров.

Кроме того, уже 21 сентября откроется X Международный фестиваль современной музыки Sound 59, участниками которого в этом году станут пермские музыканты, а также представители Германии, Голландии, Испании, Финляндии.

Пожалуй, эти завершающие анонсы выглядели бы лишними, если бы не подтверждали счастливую и устойчивую тенденцию: пермская авангардная сцена продолжает быть частью глобального культурного обмена. Однако, судя по реакции некоторых слушателей, эта сфера ещё нуждается в разговорах с аудиторией, в более широком освещении и, как следствие, признании. Рано или поздно с такой необходимостью сталкивается любая экспериментальная лаборатория.

ДОБАВИТЬ В ИЗБРАННОЕ

Одиночество перед Богом

Must hear: обзор музыкальных новинок от Павла Катаева

Nick Cave & The Bad Seeds — Skeleton Tree

В июле прошлого года Ник Кейв потерял сына. 15-летний Артур разбился, упав со скалы недалеко от дома семьи в английском Брайтоне. Понятно, что новый альбом The Bad Seeds создан в тени этой трагедии. «Ты далёкое воспоминание твоего Создателя, разве ты не видишь?» — произносит Кейв в песне Jesus Alone. Музыкант, отношение которого к религии складывалось долго и сложно, не просит и не упрекает. Он лишь констатирует одиночество человека перед Богом и одиночество самого Бога. Барабаны ступают едва слышно, гитара мерно пускает резонирующие риффы, динамику создают лишь назойливое электронное пиликанье, нарастающие волны секции струнных, а также фортепиано и голос Кейва. Несмотря на свободу гармонии и медленный темп, аранжировки Skeleton Tree оставляют ощущение духоты — такой, какая бывает в кошмарах. Ник Кейв почти не говорит о том, что случилось. Его тексты, больше напоминающие прозаические отрывки, рисуют отвлечённые образы: город на закате, красное платье, дерево-скелет. Разве что в трейлере One More Time with Feeling Кейв говорит о том, что происходит, когда теряешь близких: «Ты смотришь в зеркало и видишь того же человека. Но человек под кожей — другой».

M.I.A. — AIM

Певица M.I.A. идентифицируется в современной поп-музыке вполне однозначно — гражданский активист эпохи глобализма. Неоднозначно воспринимаются её высказывания и поведение, будь то клип Borders, посвящённый миграционному кризису в Европе, или оскорбительный жест на одном из крупнейших спортивных шоу в Америке. Однако подозревать её в стремлении к дешёвым сенсациям не приходится. Представительница тамильского народа и дочь политического активиста, бежавшего в Британию от гражданской войны на Шри-Ланке, Майа Арулпрагасам не понаслышке знает о бедах развивающихся стран и непростом положении переселенцев.

M.I.A. продолжает говорить на языке танцевальной электроники и актуального хип-хопа о борьбе угнетённых против угнетателей. Однако вместо политических манифестов с конкретными требованиями M.I.A. выдаёт строчки с достаточно общими посылами, остро заточенными под массовые вкусы. Будучи поборником свободы и мультикультурализма, сама M.I.A. — дитя глобального мира и унифицированных культурных кодов. В протестной позе усматривается внутренняя уязвимость, желание найти себя в мировой вавилонской мешанине. В конце концов, M.I.A. в переводе означает «пропавший без вести».

Sean Foran — Frame of Reference

Пианист Шон Форан тоже связан с международной повесткой, но уже в ином жанровом сегменте. Уроженец далёкой Австралии давно и активно осваивает мировую джазовую сцену. Форан выступает на фестивалях в Канаде и Японии, гастролирует по Китаю и Аргентине, играет в составе трио Vehere с норвежцем Кари Блейвиком и бельгийцем Йоахимом Баденхорстом. Разумеется, у себя на родине Шон Форан также востребован, причём в качестве не только исполнителя и композитора, но и преподавателя.

Альбом Frame of Reference вместе с Фораном записали саксофонист Джулиан Аргьюллс, гитарист Стюарт Маккаллум, виолончелист Бен Дэвис и барабанщик Джуст Хендрикекс. Нагрузку в ваении сложных ритмических и гармонических сооружений они распределили поровну. Избегая буйных тембров, ансамбль Форана выдаёт сдержанный фри-джаз, направляя большую часть своей энергии на работу с композиционной структурой. Впрочем, удачными и прочувствованными мелодиями Frame of Reference тоже не обделён.

